

Нет более бесед, когда Господь
И Ангелы по-дружески в гостях
У Человека, своего любимца,
Бывали благосклонно, с ним деля
С приязнью безыскусственную снедь
И позволяли речь ему вести
Непринужденно-скромную. Теперь
Оттенок песне должен я придать
Трагический: касательно людей,
Я недоверье должен помянуть
Презренное, попанье клятв, разрыв
Преступный, ослушанье и мятеж,
Касательно рассерженных Небес,
Досаду, отчужденье, грозный гнев,
Заслуженный укор и правый суд,
Привнесший Грех в отныне скорбный мир,
И Смерть, губительную тень Греха,
И хвори, предвещающие Смерть.
Предмет печальный! Но ничуть не меньше,
Но больше героического в нем,
Чем в содержанье повести былой,
Как стены Трои трижды обежал
Вослед врагу разгневанный Ахилл,
Иль в описаньях, как ярился Турн,
Когда надежду потерял на брак
С Лавинией, как злобился Нептун,
Равно Юнона, Грека утеснив
Своим преследованием или сына
Киприды, но сколь ни был бы высок
Мной выбранный, задуманный давно
И поздно начатый, увы, рассказ,
Я с ним управлюсь, если мне внушит
Приличные реченья и слова
Моя заоблачная опекунша,
Которая, призыв мой упредив,
Слетает доброхотно по ночам,
С тех пор как дерзновенно приступил
Я к песне героической моей,
И шепчет, иль внушает мне во сне,
Отнюдь не сочиненные стихи,
Но вдохновленные. Мне не дано
Наклонности описывать войну,
Прослывшую единственным досель
Предметом героических поэм.
Великое искусство! воспевать
В тягучих, нескончаемых строках
Кровопролитье, рыцарей рубить
Мифических в сраженьях баснословных,
Меж тем величье доблестных заслуг
Терпенья, мученичества никем
Не прославляемо, честь воздают
Ристаньям конным, блеску тщетных игр,
Доспехам, геральдическим щитам,
Шитью на чепраках, парче попон
Турнирных всадников, шелкам цветным,
Пирам дворцовым, где оравы слуг
Снуют под управленьем сенешалей.
Умелое художество и труд
Ремесленный не в силах вознести
Поэму или главное лицо
На героическую высоту.
Не мастер, не охотник прославлять
Подобное, отважно я избрал
Предмет возвышенный, сам по себе

Способный песню вознести мою,
Когда преклонный возраст, поздний приступ
И холода не обессият крыл
Моих отяготевших и прервут
Полет задуманный, что стать могло,
Коль скоро я стихи слагал бы сам,
Без помощи заступницы ночной.

Вот Солнце закатилось, а за ним
И Геспер сумеречный полусвет
На землю низводящая звезда,
Посредник быстротечный между днем
И ночью. Кругозор, из края в край,
Затмился полусферой ночной,
Когда от Гаврииловых угроз
Бежавший из Эдема Сатана,
Во злобе и лукавстве изощрясь
И замыслы коварные куя
На гибель Человеку, в Рай опять
Прокрался, жесточайшую презрев
Расплату, угрожавшую ему.
Он вечером из Рая улетел,
Вернулся в полночь, Землю обойдя,
Страшился он явиться днем, с тех пор
Как повелитель Солнца, Уриил,
Вторжение обнаружив, остерег
Охрану Херувимскую. В тоске,
Из Рая изгнанный, он семь ночей
Скитался с темнотою заодно
Вокруг Земли, трикраты обогнул
Круг равноденственный, четыре раза
Путь колесницы Ночи пересек,
От полюса до полюса, пройдя
Колюры, на восьмую ночь в Эдем
Вернулся, но с обратной стороны
От входа и крылатых часовых,
Где тайную лазейку отыскал.
То было место, нет его теперь,
Не время уничтожило его,
Но Грех, где у подножья Рая Тигр
Свергается под землю и одним
Из рукавов поднявшись, бьет ключом
У Древа Жизни. Сатана нырнул
В провал, рекой подземною проплыл
И вырвался на волю вместе с ней,
Окутанный туманом, а затем
Убежища себе он стал искать,
Прошел моря и сушу: от Эдема
За Понт, за Меотийский водоем;
По широте, вверх, к ледяной Оби,
И вниз к Антарктике, по долготе,
С Востока, от Оронтских берегов
До океана, где морской простор
Отрезан Дариенским перешейком,
От туда в страны, где струятся Инд
И Ганг. Так облетел он шар земной
В подробных розысках и по пути
Всех тварей с прилежаньем оглядев,
Чтоб, сообразно замыслам своим
Коварным, подходящую избрать,
Признал, что Змий хитрейшая из них,
И вот решил: облюбован Змий,
Удобный облик, чтоб, его приняв,
От взоров пронизательных укрыть

Обман и цели темные, поскольку
Лукавым Змий и мудрым сотворен,
И хитрости его не возбуждают
Сомнений, ведь в созданиях иных
Лукавство можно было бы легко
За напущенье дьявольское счесть,
Превосходящее обычный смысл,
Присущий тварям. Да, решился он,
Но тайной мукой взорванная страсть
В невольных сетованьях излилась:

"О, Небесам подобная Земля,
А может, благолепнее Небес,
Пристанище, достойное богов!
Ты зрелым и позднейшим создана
Мышленьем, заново преобразившим
Все устарелое. Да разве Он,
Создав прекрасное, творить бы стал
Несовершенное? О, небосвод
Земной! Другие сферы вокруг него
Небесные вращаются и свет
Тебе одной, возможно, шлют, Земля,
Лампадами служа, и на тебя
Единую влияние лучей
Своих благих совместно изливают.
Как средоточие всего Господь,
Равно объемлет все, так точно ты,
Покоясь в средоточии миров,
Приемлешь дань от этих дальних сфер,
Не в них в тебе их мощь воплощена
Животворящая, в траве, в кустах,
В деревьях и во множестве пород
Созданий благородных, бытием
Одушевленных, исподволь свой рост
Усовершенствующих, чувства, ум,
Все то, что в полной мере Человек
Единственно в себе совокупил,
С каким восторгом вдоль и поперек
Тебя я исходил бы, если б мог
Порадоваться хоть чему-нибудь
Лесов разнообразье созерцая,
Холмов и долов, луговин и рек,
Земель новорожденных и морей,
И побережий в обрамленьи рощ,
Скалистых гребней, гротов и пещер!
Но мне отрады и приюта нет
Нигде! Чем больше вижу я вокруг
Веселья, тем больней меня казнят
Противоречия моей души,
Терзаемой разладом ненавистным.
Все доброе мне яд, но в Небесах
Я маялся бы горше. Не хочу
Ни там, ни на Земле ничем иным,
Лишь самодержцем быть, поработив
Царя Небес! Не ожидаю здесь
Смягченья мук, стремлюсь других привлечь
К себе, дабы они мою судьбу
Делили, даже если б довелось
За это мне страдать еще больней.
Лишь в разрушенье мой тревожный дух
Утеху черпает. И если тот,
Кому бразды правленья вручены
Над миром, сотворенным для него,
Погибнет или нечто совершит,

Влекущее погибель, этот мир,
С ним связанный на счастье и беду,
Да, на беду! погибнет заодно.
Пускай же гибнет мир! Мне, только мне,
Из всех Князей Гееннских, будет слава
Принадлежать! Я за день истреблю
Все то, что именующий Себя
Всесильным непрерывно созидал
В течение шести ночей и дней.
Кто знает, сколь давно замыслил Он
Миротворение? Быть может, в ночь,
Когда я вызволил из кабалы
Едва ль не половину легионов
И сонмы обожателей Творца
Изрядно поубавил. Отомстить
Желая и восполнить Свой урон,
Он истошил, никак, былую мощь
И Ангелов творить не в силах впредь,
Коль вообще их создал и вдобавок,
В досаду нам, решил нас подменить
Из праха сотворенным существом
И низкому началу вопреки,
Возвысить и осыпать, без числа,
Небесными дарами, что у нас
Отобраны. Задумал и свершил.
Он Человека создал и ему
На радость бесподобный мир воздвиг,
Властителем Земли его нарек
И поселил на ней, а для услуг
Крылатых Ангелов, о, срамота!
И челядинцев пламенных прислал
Нести земную службу и стоять
На страже, при оружии. Страшусь
Охраны бдительной, затем во мгле,
Окутан испареньями ночных
Туманов, пробираюсь я ползком,
В лесах обшариваю каждый куст,
Чтоб, Змия спящего сыскав, укрыть
В извивах множественных и себя,
И бремя темных замыслов моих.

О, гнусное паденье! Мне, давно
С богами спорившему о главенстве,
О первенстве, мне суждено теперь
Вселиться в гада, с тварным естеством
Смешаться слизистым и оскотинить
Того, кто домогался высоты
Божественной! Но разве есть предел
Падения для мстительной алчбы
И честолюбья? Жаждущий достичь
Вершины власти должен быть готов
На брюхе пресмыкаться и дойти
До крайней низости. Вначале мечь
Сладка, но на себя оборотясь,
Рыгает горечью. Ну что ж, пускай!
На все дерзаю, лишь бы мой удар
Был меток, ибо, целясь высоко,
Я промахнусь, и поразил предмет
Моей вражды, любимчика Небес
Новейшего, создание персти, сына
Досады, вознесенного Творцом
Из праха, нам на зависть. Воздадим
За злобу злобой: лучшей платы нет!"

Сказал и стелющимся по низам
Пополз туманом черным, средь сухих
И влажных дебрей, поиски ведя
Полуночные там, где полагал
Всенепрременно Змия обрести,
И впрямь, нашел, Змий почивал, склубясь
В замысловатый лабиринт колец,
В их средоточье голову укрыв,
Что хитростей утонченных полна,
Еще не хоронясь в пещерной тьме
Зловещей, Змий открыто, на траве,
Неробкий, хоть безвредный, крепко спал.
Диавол в пасть проник и овладев
Его инстинктом грубым, что в мозгу
Иль в сердце обретается, ему,
Сна не нарушив, придал мощь ума
И стал в змеиной плоти утра ждать.
Над влажными цветами, на заре
Струившими эдемский аромат,
Священная денница занялась,
И всякое дыханье, с алтаря
Великого Земли, превознесло
Создателя безмолвною хвалой
И благовоньем сладостным, Ему
Угодным, в этот час чета людская
Из кущи вышла, присоединить
Словесное хваленье к голосам
Созданий безъязыких, помолясь,
Возрадовались утренней поре
Благоуханной, свежей, а затем
Раздумались: как лучше нынче днем
Всё умножающиеся труды
Распределить, обширный Райский Сад
Значительно их силы превышал.
И Ева к мужу обратилась так:

"Адам! Как ни усердствуем, следя
За этим садом, пестуем цветы,
Деревья, травы, исполняем долг
Приятный, но, пока рабочих рук
Не станет больше, все усилья наши
Нам только прибавляют новых дел.
Все, что мы днем подрежем, подопрем,
Подвяжем, быстро, за ночь или две,
Роскошно разрастается, стремясь,
Как бы в насмешку, снова одичать.
Дай мне совет иль выслушай меня.
Я думаю: работу разделить
Нам надо. Ты ступай, куда сочтешь
Потребным, жимолостью эту кущу
Обвей, побеги буйного плюща
Направь, а я до полдня приведу
В порядок заросли цветущих роз
И мирт. Когда мы трудимся вдвоем,
Бок о бок, мудрено ли, что порой
Улыбку на улыбку, взгляд на взгляд
Меняем и заводим разговор
О разных разностях, а между тем
Наш труд, хотя и начатый с утра,
Не спорится, и ввечеру вкушаем
Мы трапезу, ее не заслужив!"

"О Ева! нежно возразил Адам.
Единственная спутница моя,

Любимейшее из живых существ!
Твой замысел прекрасен, хорошо,
Что жаждешь ты назначенную нам
Творцом работу лучше исполнять.
Твое похвально рвение. Ничто
Не украшает более жену,
Чем хлопоты о благе очага
Домашнего и ободренье мужа
В его трудах. Однако же Господь
Обязанности наложил на нас
Не столь сурово, чтобы нас лишить
Трапезованья, отдыха, бесед,
Духовной пищи. Нам вольно с тобой
Обмениваться взглядами, вольно
Улыбками, улыбка это знак
Разумности и не дана скотам,
Она любовь питает, а любовь
Одна из важных целей бытия
Людского. Не для тяжкого труда
Мы созданы, блаженство наш удел,
Разумное блаженство и поверь,
Объединись, мы оба не дадим
Заглохнуть кущам, зарости тропам
В черте прогулок наших, до поры,
Ее не долго ждать, когда придут
К нам руки юные помочь в трудах.
Но ежели наскучили тебе
Беседы, я согласие бы дал
На расставанье краткое, подчас
Уединенье лучшее из обществ,
И после разлучения вдвойне
Свиданье слаще. Но встревожен я
Иным, боюсь, что, от меня вдали,
Ты попадешь в беду. Не забывай
Остереженье, помни лютый Враг,
Утративший блаженство навсегда
И нашему завидуя, навлечь
На нас мечтает горе и позор,
Напав исподтишка. Он где-нибудь
Поблизости в надежде адской ждет
Удобного мгновенья, чтобы, врозь
Настигнув нас, верней осуществить
Коварный замысел. Не чает он,
Когда мы рядом и помочь в нужде
Друг другу можем, нас прельстить грехом.
От преданности Богу отвести
Он алчет нас, любовь расстроить нашу
Супружескую, изо всех блаженств
Любовь, пожалуй, разжигает в нем
Особенную зависть. Таковы
Его намеренья иль много хуже,
А посему ты друга не покинь
Испытанного, из чьего ребра
Ты рождена и кто всегда готов
Тебя оберегать и защищать.
Когда грозит бесчестье и беда,
Приличней, безопасней для жены
При муже находиться: он спасет
И оградит супругу либо с ней
Разделит наигоршую судьбу!"

С величием непорочности, в ответ,
Как некто, чья любовь оскорблена
Жестоким словом, строгий вид приняв,

Хотя и нежрый, возразила Ева:
"О сын Земли и Неба! Всеи Земли
Властитель! Ведаю о том Враге,
Что ищет нашей гибели. Ты сам
Предупреждал меня и я слова
Архангела слыхала невзначай,
Когда он удалялся и цветы
Ночные замыкались, позади
Стояла я в тенистом уголке,
Из сада воротясь. Но чтобы стал
Ты сомневаться в верности моей
Тебе и Богу лишь затем, что Враг
Соблазном ей грозит, я не ждала.
Тебя насилье вражье не страшит,
Мы так сотворены, что боль и смерть
Не властвует над нами: либо нас
Не в силах тронуть, либо мы легко
Их отразим. И так, боишься ты
Его коварства, этот страх родит
Сомненье: как бы Враг не обольстил
Меня лукавством не поколебал
Мою любовь и верность. О, Адам!
Как мысли эти у тебя могли
Возникнуть? Как ты можешь обо мне,
Возлюбленной жене, столь дурно думать?"

Адам ответил с кроткой добротой:
"О Ева! Бога дочь и Человека,
Бессмертная! Всецело ты чиста
И безупречна. Вовсе не затем,
Что верность и любовь твою подверг
Сомнению, тебе я дал совет
Не удаляться. Нет! Я лишь хочу
Попытку искушения пресечь,
Врагом задуманного. Каждый льстец,
Хотя бы ничего и не достиг,
Кладет на обольщаемого тень
Бесчестья, заставляя полагать
Его не столь упорным, чтоб соблазн
Отвергнуть. Ты презрение и гнев
Сама бы ощутила, испытай
Обиду искушенья, пусть она
И тщетна, и превратно не пойми
Мою заботу: убережь тебя
От оскорбленья. Как ни дерзок Враг,
Навряд ли он осмелится напасть
На нас двоих, а если нападет,
То на меня сперва. Не презирай
Зловредного коварства Сатаны,
Кто Ангелов опутал, тот весьма
Лукав. Ты помощь друга не сочти
Избыточной, твой взор во мне крепит
Все добродетели. Я при тебе
Разумней, зорче, бдительней, сильней,
Телесно даже, ежели напрячь
Потребуется мышцы. Высший стыд
Быть побежденным на твоих глазах
Во мне бы мощь геройскую возжег,
Почто же ты в присутствии моем
Подобное не чувствуешь и грех
Не хочешь отразить плечо к плечу
Со мною, наилучшим очевидцем
Проверки доблестной твоей души?"

Так изъяснял Адам, как семьянин
Заботливый, как любящий супруг,
Но Ева, думая, что все же в ней
Он не уверен, возразила вновь:
"Коль на участке малом суждено
Нам жить в осаде, в страхе пред Врагом
Могучим, хитрым не имея средств
Отбиться в одиночку и дрожа
В бессменном предвкушенье грозных бед,
Возможно ль нас блаженными назвать?
Но беды не предшествуют греху!
Соблазном Враг позорит нашу честь,
Но оскорбленье, нас не запятнав
Бесчестьем, возвращается назад,
Его лишь самого покрыв стыдом.
Зачем Врага мы избегать должны
И опасаться, если мы вдвойне
Заслужим честь и доказав тщету
Его соблазнов, обретем покой
Души, благоволение Небес
Всевидящих? Что стоит наша верность,
Любовь и доблесть, ежели они,
Без посторонней помощи, в борьбе
Не устоят? Ужели обвиним
Творца премудрого: мол, даровал
Нам счастье уязвимое равно
Мы вместе или врозь? Но если так,
Блаженство шатко наше и Эдем
Небезопасный не Эдем для нас!"

Адам вскричал: "О Женщина! Господь
Порядок наилучший учредил
Из всех возможных и Его рука
Всё в мире совершенно создала,
Ущербным не оставив ничего.
Творения Господни лишены
Изъяна: первым делом Человек,
И всё, чье назначенье охранить
Его блаженство от наружных сил.
Опасность в нем самом, в душе людской,
Но он же властен отвести беду.
Без воли Человека злу нельзя
Его настичь, а волю эту Бог
Свободно создал, но свободен тот,
Кто разуму послушен, Всемогущий
Содеял разум правым, повелев
Стоять на страже, бодрствовать, дабы,
Завороженный призраком добра,
Он волю не увлек на ложный путь,
Расположив к поступкам, что Творцом
Неукоснительно запрещены.
Не мнительность умильная любовь
Столь часто мне велит остерегать
Тебя, а ты остерегай меня.
Мы стойки, но от истинной стези
Способны уклоняться, разум наш,
Поддавшись на приманку, Сатаной
Подделанную, может впасть в обман,
Утратив бдительность. Не надо зря
Искать проверки, лучше избегай
Соблазна, от меня не отходя,
Боюсь, что нас он скоро сам найдет.
Свою ты стойкость хочешь доказать?
Сначала послушанье подтверди!

Кто ж выдержку твою удостоверит,
Не видя соблазнения? Но иди,
Коль ты уверена, что мы вдвоем
Противу искушения слабей
Окажемся, чем в одиночку ты,
Остереженная, пребыв со мной
По принуждению, стала бы тогда
Лишь более далекой. Так, ступай
В невинности природной! Обопрись
На добродетель, силы напряги!
Бог все исполнил, твой теперь черед!"
Умолк людского рода Патриарх,
Но Ева настояла и приняв
Покорный вид, сказала под конец:

"Ты мне идти дозволил, остерег,
Тем паче в заключительных словах
Разумных: что, мол, искус, невзначай
Возникнув, может нас двоих застать
Не подготовленными. Ухожу
Тем более охотно и навряд ли
Столь гордый Враг слабейшую сперва
Добычу изберет, но, учинив
Подобное и отраженный мной,
Тем горшим он покроется стыдом!"

Промолвив, тихо руку отняла
От мужниной десницы и легко,
Как нимфа из Дриад, иль Ореад,
Иль спутниц Делии, свои стопы
Направила поспешные в лесок,
Осанкой Делию превосходя
И поступью, исполненной красы
Божественной, хоть не было при ней
Ни лука, ни колчана, лишь одни
Изделья непричастного огню
Искусства грубого иль, может быть,
Доставленные Ангелами в дар,
Садовые орудья. Этот вид
Ей Палее иль Помоны, от Вертумна
Бегущей прочь, подобье придавал,
Цереры юной, прежде чем сошлась
Она с Юпитером и от него
Бедняжку Прозерпину родила.
Адам с восторгом ей глядел вослед,
Но во сто крат восторженней желал,
Дабы она осталась, много раз
Просил ее вернуться поскорей,
И столь же частым был ее посул
Вернуться к полдню и в жилье прибраться,
Все приготовив к трапезе дневной
И отдыху, под сенью шалаша.

Злосчастливая! Как обманулась ты,
О Ева, возвращенье обещав
Самонадеянно! Преступный миг!
Отныне для тебя в Эдеме нет
Ни сладких трапез, ни отдохновения!
Среди цветов душистых и в тени
Укрыта западня, грозя пресечь
Твой путь коварством адским иль вернуть
Тебя, лишенной верности навек,
Блаженства и невинности былой!
В личине Змия, Враг, с рассветом дня,

Свой начал поиск, чтоб чету найти
И заключенный в ней весь род людской
Добычу вожделенную. Луга
И рощи миновал он и везде
Плодовые деревья, цветники
Высматривал, растущие пышной
Благодаря заботливым трудам
И ради развлечения людьми
Посаженные, зорко их двоих
Разыскивал по берегам ручьев,
Но Еву в одиночестве застать
Стремился, хоть надеяться не смел
На столь удачный случай, но внезапно,
Сверх чаянья, сбылось, чего желал:
Праматерь углядел. Совсем одна,
Овеянная облаком густым
Душистых запахов, среди сплошных
Багряных роз, она, видна едва,
Склонялась то и дело, и цветы
Тяжелые, в накрапе золотом,
Пунцовом и лазоревом, к земле
Поникшие, лишённые опор,
Приподымала, стебли распрямив,
И бережно плетями гибких мирт
Подвязывала розы, ни на миг
Не помышляя, что она сама
Прекраснейший, беспомощный цветок,
Что ныне так далек ее оплот
Надежнейший, а буря так близка!

Враг близился, прополз немало троп,
В тени роскошных кедров, пиний, пальм,
То явно извиваясь, то скользя
Украдкой в цветниках, в рядах густых
Кустов, прилежной Евиной рукой
Посаженных. Сравниться не могло
С волшебным этим райским уголком
Ничто: ни измышленные сады,
Ни те сады, где оживал Адонис,
Ни сад, которым некогда владел
Преславный Алкиной, что у себя
Гостеприимно сына принимал
Лаэрта дряхлого, ни вертоград
Правдивый, где мудрейший из царей
Блаженствовал с египетской женой
Прекрасной. Совершенством здешних мест
Пленился Враг, но восхищенный взор
На Еву особенно обращал.
Так некто, в людном городе большом
Томящийся, где воздух осквернен
Домами скученными и клоак
Зловоньем, летним утром подышать
Среди усадеб и веселых сел
Выходит, жадно запахи ловя
Сухой травы, хлебов, доилен, стад,
Его пленяет каждый сельский вид
И сельский звук, но ежели вблизи,
Как нимфа, легкой поступью пройдет
Прелестная крестьянка, все вокруг
Внезапно хорошеет, а она
Прекраснейшая в мире и вместил
Всю красоту ее лучистый взор.
С таким же восхищеньем Змий взирал
На уголок цветущий, где приют

Столь ранним утром Ева обрела.
Телосложением Ангелу под стать
Небесному, но женственней, милей,
Невинностью изящною, любым
Движением, она смиряла в нем
Ожесточенье, мягко побудив
Свирепость лютых замыслов ослабить.
Зло на мгновенье словно отреклось
От собственного зла и Сатана,
Ошеломленный, стал на время добр,
Забыв лукавство, зависть, месть, вражду
И ненависть. Но Ад в его груди,
Неугасимый даже в Небесах,
Блаженство это отнял, тем больней
Терзая Сатану, чем дольше он
На счастье недостижное глядел;
Наисильнейшей злобой распаясь,
Намереньям губительным успех
Суля, в себе он ярость горячил:
"Мечты, куда вы завели! Каким
Обманом сладким охмеленный, мог
Забуть зачем я здесь! Нет не любовь,
А ненависть не чаянье сменить
На Рай Геенну привлекли сюда,
Но жажда разрушенья всех услад,
За вычетом услады разрушенья,
Мне в остальном отказано. И так,
Удачу надобно не упустить.
Вот женщина, она одна и всем
Доступна искусам. Ее супруг,
Насколько я окрестность обозрел,
Находится не близко. Я страшусь
Его мышленья высшего. Он горд
И несмотря на то, что сотворен
Из праха, мужественен и могуч.
Воистину подобного нельзя
Противника ничтожеством считать,
Неуязвимого, когда я сам
Подвержен боли, так унизил Ад
И пытки обессилили меня,
В сравненье с тем, каков я прежде был
На Небесах. Пусть Ева хороша
Необычайно и любви богов
Достойна не страшна она, хотя
Любовь и красота внушают страх,
Коль скоро не подвигнуть супротив
Такую ненависть, что тем сильней,
Чем лучше под личиною любви
Укрыта, это самый верный путь,
Надежный способ Еву погубить!"

Так Враг людского рода говорил,
Укрытый в Змие, злобный постоялец,
Он к Еве направлялся не ползком,
Как нынче, пресмыкаясь по земле,
Волнами изгибаясь, но стоймя,
Подобно башне, опершись на хвост,
На основанье круглое, клубы
Спирально громоздящихся колец.
Увенчанная гребнем голова,
С карбункулами схожие глаза,
Лоснящаяся шея, чей отлив
Зеленоватым золотом мерцал,
С надменной возвышались прямоюй

Над узловидным туловищем, плавно
Скользившим по траве. Он был красив
И привлекателен. Подобный гад
Позднее не встречался никогда.
С ним змиев не сравнить, в которых Кадам
И Гермiona преобразены
В Иллирии вдвоем, ни божество
Из Эпидавра, ни хваленых змиев,
Чью стать Аммон-Юпитер принимал
Равно Капитолийский, посетив
Олимпию и Сципиона мать,
Героя Римского. Сперва путем
Окольным Сатана, как бы страшась,
Но алча, приближался, так моряк
Искусный, управляя кораблем,
Близ мыса или устья, где ветра
Непостоянны, изменяет курс,
Частенько переключив руль
И паруса, так точно изменял
Движенья Змий, свиваясь и опять
Упруго развиваясь, и клубясь
Затейливо на Евиных глазах,
Дабы вниманье женщины привлечь.
Она же за работой шелестенью
Листвы внимала, но о нем ничуть
Не думала, привыкшая к возне
Различных тварей, что на Евин зов
Послушней шли, чем стадо превращенных
На зов Цирцеи. Змий спешит смелей,
Незванный, к Еве, замирает вдруг
Как бы в восторге, много раз подряд
Пред ней склоняет гребень, шею гнет
Крутую, лижет Евин следы.
Немое обожанье наконец
Она заметила и на игру
Его взглянула, радуясь тому,
Что смог вниманьем Евы завладеть,
Он, шевеля змеиным языком,
Иль небывалый звук голосовой
Воздушным колебаньем издавая,
Ее лукаво начал искушать:
"О повелительница! Не дивись,
Единственное диво, если ты
Способна удивляться! Я молю:
Презреньем гневным не вооружай
Небесно-кроткий взор за то, что я
Приблизился бесстрашно и гляжу
Не нагляжусь на величавый лик,
Сугубо величавый в этой дебри
Пустынной. О, прекрасного Творца
Прекрасное подобие! Тебе
Подвластно все живое, твари все
Тобой любуются и красоту
Небесную твою боготворят.
Действительный восторг царит лишь там,
Где он доступен всем, но здесь, в глуши,
Меж зрителей бессмысленных скотов,
Твое очарование сознать
Способных в малой мере, Человек
Один единственный тобой пленен,
Всего один, когда в кругу богов
Богиней равной ты могла бы стать.
Бесчисленные Ангелы должны
Тебе молитвенно, благоговейно

Служить, вседневной свитой окружив!"
Так льстил ей Враг: он приступ начал так.
Проникла в сердце Евы эта речь.
Хоть будучи весьма удивлена,
Она смущенно молвила в ответ:

"Что это значит? Голосом людским
И по-людски осмысленно со мной
Тварь говорит! Судила я досель,
Что твари бессловесны, что Господь
Немыми создал их не одарил
Членораздельной речью. В остальном
Колеблюсь я их действия, порой,
И взгляды выявляют некий смысл
Немалый. Я тебя считала, Змий,
Хитрейшею из тварей полевых,
Но все же безъязыкой. Сотвори
Повторно это чудо! Объясни,
Как, будучи немым, заговорил?
И почему ты изо всех животных
Столь дружествен? Вниманье уделить
Такому диву должно. Отвечай!"

Лукавый Искуситель продолжал:
"Блистательная Ева! Госпожа
Прекраснейшего мира! Мне легко
Тебе повиноваться, рассказать
Просимое. Велениям твоим
Не в силах воспротивиться никто.
Подобно прочим тварям, я сперва
Питался попираемой травой.
Мой ум, под стать еде, презренным был
И низким: я понятие лишь имел
О пище и различии полов,
Не постигая высшего, пока
Однажды, странствуя среди полей,
Я дерево роскошное вдали
Случайно усмотрел: на нем плоды
Висели пестроцветные, горя
Багряным золотом. Я подступил
Поближе, чтоб яснее рассмотреть,
И обдало меня с его ветвей
Благоуханье, голод возбудив
Острейший. Ни укропа аромат
Излюбленный, ни запах молока,
Что ввечеру сочится из сосцов
Овец и коз, когда среди забав
Детеныши позабывают снесь,
Не порождали жадности такой
Во мне. Решился тотчас я вкусить
Прекрасных яблок. Жгучей жажды власть
И голода, которых разожгли
Душистые плоды, меня совсем
Поработили. Я замшелый ствол
Обвил ввиду того, что высоко
Ветвилось дерево, потребен рост
Адама или твой, дабы достать
До нижних сучьев. Прочие вокруг
Толпились твари, тою же алчбой
Томимые, завистливо взирали,
Но до плодов добраться не могли.
Достигнув кроны, где они, вися
В столь близком изобилии, сильнее
Манили, я срывать их щедро стал,

Вкушать и голод ими утолять.
Такого наслаждения досель
Я не знавал ни в пище, ни в питье.
Насытись, я внезапно ощутил
Преображенье странное, мой дух
Возвысился и просветился ум,
Способность речи я обрел потом,
Но, впрочем не утратил прежний вид.
Высоким и глубоким я с тех пор
Предался размышлениям, объял
Я всеохватывающим сознанием
Предметы обозримые Небес,
Срединного пространства и Земли,
Все доброе, прекрасное постиг
И понял, что оно воплощено
Вполне в твоих божественных чертах,
В лучах твоей небесной красоты,
Ей ни подобья, ни сравненья нет!
Вот почему, некстати, может быть,
Я здесь, чтоб созерцать и обожать
Законную Владычицу Вселенной,
Державную Царицу всех существ!"

Так, обуян коварным Сатаной,
Змий обольщал Праматерь. В изумленье
Беспечно Ева молвила в ответ:

"Из-за чрезмерной. Змий, твоей хвалы,
Я сомневаюсь в действии плода,
Которое ты первый испытал.
Скажи: где это дерево растет?
Далеко ли? Здесь множество в Раю
Деревьев Божьих, неизвестных нам
И разных, и плодов на них не счесть
Нетронутых, нетленных, до времен,
Когда в Раю прибавится людей,
Дабы собрать обильный урожай,
От бремени Природу облегчив."

Ликуя, вмиг ответил хитрый гад:
"Царица! Не далек, не труден путь.
За миртами, средь луга, близ ручья
Оно растет, лишь надо миновать
Бальзамовый и мирровый лесок
Цветущий. Коль дозволишь, я туда
Тебя легко и быстро проведу."
"Веди!" сказала Ева, Змий, столпом
Возвысясь, к преступленью поспешил,
Переливая из кольца в кольцо
Клубящееся тулово, прямым
Он выглядел, к злодейству устремись,
На темени надежда подняла
Его зубчатый гребень, что раздулся
От радости. Так брезжит огонек
Блуждающий, из масляных паров
Возникший, что густеют по ночам
От холода и вспыхивают вдруг,
Вздуваемые ветром, говорят
Злой Дух сопровождает их. Такой
Обманный огонек, светясь во тьме,
Сбивает изумленного с пути
Ночного странника, заводит в топь,
В трясину и овраги, где бедняк,
Проваливаясь, гибнет, вдалеке

От помощи. Так страшный Змий сиял,
Доверчивую Еву обманув,
Праматерь нашу и ведя ко Древу
Запретному причине наших бед.
При виде Древа молвила она:

"Напрасно, Змий, мы шли, бесплоден труд,
Хотя плоды в избытке. Но пускай
Останется их свойство при тебе,
Оно и впрямь чудесно, породив
Такое действие. Но ни вкушать,
Ни даже прикасаться нам нельзя.
Так Бог велел и заповедь сия
Единственную дочерью была
Божественного Голоса, вольны
Мы в остальном. Наш разум наш закон".

Вскричал Прельститель хитрый: "Неужель,
Властителями вас провозгласив
Всего, что в воздухе и на Земле,
Господь плоды вкушать вам запретил
Древес, произрастающих в Саду?"
Еще безгрешная, сказала Ева:
"Нам все плоды в Раю разрешены,
Но Бог об этом Древе, в сердце Сада
Растущем и плодах его изрек:
"К ним прикасаться и от них вкушать
Вы не должны, чтоб вам не умереть."

Ответ услыша краткий, осмелел
Прельститель, человеколюбом вдруг
Прикинулся и ревностным слугой
Людей, на их обиду воспылав
Негодованием лживым, применил
Он способ новый: ловко притворись
Взволнованным, смущенным, он умолк
Достойно, вознесясь, чтоб речь начать
О якобы значительных вещах.
Так древле, в Риме вольном и в Афинах,
Где красноречье славное цвело,
Навечно онемевшее теперь,
Оратор знаменитый затихал,
Задумывался, погрузясь в себя,
Готовясь к речи важной, между тем
Его движения, черты лица
Вниманьем слушателей наперед
Овладевали, прежде чем уста
Успел он разомкнуть, но иногда,
Как бы порыва к правде не сдержав,
Он прямо к сути яро приступал,
Минуя предисловье, точно так,
Во всю свою поднявшись вышину,
Восторженным волнением объят,
Со страстью соблазнитель произнес:

"О, мудрое, дарующее мудрость
Растение священное! Рождаешь
Познание ты! Я чую мощь твою
В себе! Не только сущность всех вещей
Я ныне лицезрею, но стези
Наимудрейших, высочайших Сил
Открылись мне! Ты не страшись угроз,
Вселенной сей Царица, им не верь
Вы не умрете. Разве умереть

Возможно от плода, он даст вам жизнь
С познанием вместе, или вас казнит,
Кто угрожал вам? На меня взгляни:
Я прикоснулся, я вкусил и жив.
Мой тварный жребий превзойти дерзнув,
Я жизни совершеннейшей достиг,
Чем та, что мне была дана судьбой.
Ужели от людей утаено
Открытое скоту? Ужели Бог
За столь поступок малый распалит
Свой гнев и не похвалит ли верней
Отвагу и решительность, которых
Угроза смерти, что бы эта смерть
Ни означала не смогла отвлечь
От обретенья высшего из благ
Познания Добра и Зла? Добро!
Познать его так справедливо! Зло!
Коль есть оно, зачем же не познать,
Дабы избежать легче? Вас Господь
По справедливости карать не может,
А ежели Господь несправедлив,
То он не Бог и ждать не вправе Он
Покорности и страха, этот страх
Пред страхом смерти должен отступить.
Зачем Его запрет? Чтоб запугать,
Унизить вас и обратить в рабов
Несведущих, в слепых, послушных слуг.
Он знает, что, когда вкусите плод,
Ваш мнимо светлый взор, на деле темный,
Мгновенно прояснится, вы, прозрев,
Богами станете, подобно им
Познав Добро и Зло. Так быть должно.
Мой дух очеловечился, а ваш
Обожествится, человеком скот
Становится, а богом Человек.
Быть может, вы умрете, отрешась
От человеческого естества,
Чтоб возродиться в облике богов.
Желанна смерть, угрозам вопреки,
Когда влечет не худшую беду!
И что такое боги? Почему
Не стать богами людям, разделив
Божественную пищу? Божества
Первичны, этим пользуясь, твердят,
Что всё от них. Сомнительно весьма!
Я вижу, что прекрасная Земля,
Согрета Солнцем, производит всё,
Они же не рожают ничего.
А если всё от них, кто ж в это Древо
Вложил познание Добра и Зла,
Так что вкусивший от его плода,
Без их соизволения, в тот же миг
Премудрость обретает? Чем Творца
Вы оскорбите, знанье обретая?
Чем знанье ваше Богу повредит?
И если всё зависит от Него,
Способно ль Древо это что-нибудь
Противу Божьей воли уделить?
Не завистью ли порожден запрет?
Но разве может зависть обитать
В сердцах Небесных? Вследствие причин
Указанных и множества других
Вам дивный этот плод необходим.
Сорви его, земное божество,

Сорви и беспрепятственно вкуси!"

Он смолк, его коварные слова
Достигли сердца Евы так легко!
На плод она уставилась, чей вид,
Сам по себе, манил и соблазнял.
В ее ушах еще звучала речь
Столь убедительная, мнилось ей,
Что уговоры Змия внушены
Умом и правдой. Полдень между тем
Приблизился и голод вместе с ним,
Благоуханьем дивного плода
Усиленный и это, заодно
С желаньем прикоснуться и вкусить,
Еще сильнее манило томный взгляд.
Однако, на минуту задержась,
Так рассуждала мысленно она:

"Воистину, о лучший из плодов,
Твои чудесны свойства. Запрещен
Ты людям, тем не менее нельзя
Тебе не удивляться. От начала
Неприкасаемый, ты наградил,
При первом опыте, немую тварь
Словесным даром, научил язык,
Не созданный для речи, восхвалять
Тебя. Не скрыл твоих достоинств Тот,
Кем заповедан ты и назван Древом
Познания Добра и Зла, и нам
Не разрешен. Но строгий сей заказ
Тебе во славу, доказует он,
Каким ты благом в силах одарить,
Которого мы, люди, лишены.
Владеть безвестным благом невозможно,
Владеть же им в неведение равно
Что вовсе не владеть и, наконец,
Что запретил Он? Знание! Запретил
Благое! Запретил нам обрести
Премудрость! Но такой запрет никак
Вязать не может. Если вяжет смерть
Нас вервием последним, в чем же смысл
Свободы нашей? От плода вкусив,
Осуждены мы будем и умрем.
Но разве умер Змий? Ведь он живет,
Хотя вкусил, познанием овладел,
И прежде неразумный, говорит
И думает. Ужель для нас одних
Смерть изобретена? И лишь для нас
Недостижима умственная снедь,
А тварям предоставлена? Видать,
Она животным не воспрещена!
Но скот, вкусивший первым, отрешась
От зависти, ликуя, сообщил
О благе обретенном, друг людей,
Надежный очевидец и ему
Не свойственны лукавство и обман.
Чего ж боюсь? Верней, чего должна
Бояться не познав Добро и Зло?
Творца иль Смерти? Кары иль закона?
От всех сомнений средство здесь растет,
Сей плод, прельщающий мой вкус и взор,
Даруя мудрость. Что мешает мне
Сорвать, насытив разом дух и плоть?"

Промолвила и дерзкую к плоду
Простерла руку в злополучный час,
Вот сорвала! Вкусила! И Земля
От раны дрогнула и тяжкий вздох,
Из глубины своих первооснов
И всем своим составом издала
Природа, скорбно ознаменовав,
Что все погибло. Виноватый Змий
Исчезнул в зарослях, его уход
Был не замечен, Ева целиком
Вкушенью предавалась, ни на что
Не глядя. Никогда, в других плодах,
Не находила сладости она
Подобной. Вправду ли он был таким
Иль в жажде знанья Ева придала
Воображеньем дивный этот вкус,
Уже сравнившись в мыслях с божеством,
Глотая неумеренно и жадно,
Не ведала, что поглощает смерть.
Насытившись и будто от вина,
Хмельная, радостно и без забот,
Она самодовольно изрекла:
"О Царственное Древо! Из древес
В Раю наичценнейшее! Твой дар
Благословенный мудрость. До сих пор
В пренебрежении свисали зря
Твои плоды. Отныне всякий день
Тебя лелеять буду по утрам,
Не без похвал и песен, облегчать
Я стану бремя щедрое ветвей,
Свободно предлагаемое всем,
Пока, тобой насыщенная всласть,
Созрею в мудрости, под стать богам
Всезнающим, но завистью кипящим
К тому, чего не в силах сами дать.
Когда бы мощь, сокрытая в тебе,
От них была, ты здесь бы не росло.
Мой опыт собственный! тебя вторым
Благодарю. Ты наилучший вождь.
Когда б я за тобою не пошла,
Осталась бы в незнание. Ты открыл
Путь к мудрости, чтоб я могла достичь
Ее потайной, скрытой глубины.
Нельзя ли мой поступок тоже скрыть?
Ведь Небо высоко и далеко,
От туда вряд ли явственно видны
Все вещи на Земле. А может быть,
От вечных наблюдений отвлечен
Иной заботой Запретитель наш
Великий, восседающий в кругу
Крылатых соглядатаев своих?
Но как явлюсь к Адаму? Расскажу
О перемене? Стану ли я с ним
Делить мое блаженство иди нет?
Не лучше ль преимуществом познания
Одной владеть и возместить изъян,
Присущий женщине, чтоб закрепить
Любовь Адама и сравняться с ним,
А может, кое в чем и превзойти?
Не зареклась бы! Низший никогда
Свободным не бывает! Хорошо,
Чтоб так сбылось! Но если видел Бог,
И я умру, исчезну и меня
Не станет, и Адам найдет жену

Другую, наслаждаться будет впредь
С другою Евой, я же истреблюсь?
Смертельна эта мысль! Нет, решено!
Адам со мною должен разделить
И счастье и беду. Столь горячо
Его люблю, что рада всем смертям,
Но вместе с ним. Жизнь без него не жизнь!"

Промолвив, удалилась, но сперва
Глубокий Древу отдала поклон,
Желая силе оказать почет,
Растенью сообщившей мудрый сок,
Добытый из нектара, из питья
Богов. Меж тем нетерпеливо ждал
Адам возврата Евы. Он венки
Цветочный сплел, чтоб волосы жены
Украшить, увенчать ее труды
Сельскохозяйственные, как жнецы
Царицу жатвы часто коронуют.
О радостном свиданье он мечтал
Замедлившем и новых ждал утех
Вслед за разлукой долгой; но порой
Он сердцем предугадывал беду,
Тревожное биенье ощутив,
И вот навстречу тронулся тропой,
Которой удалилась поутру
Супруга, мимо Древа та стезя
Вела и от него не вдалеке
Увидел Еву, только что она,
От Древа отступив, держала ветвь
С прекрасным, свежесорванным плодом,
Что улыбался, аромат лия
Амброзии. Направилась к Адаму
Поспешно Ева, на ее лице
Винность отражалась, но тотчас
Она оправдываться начала
И молвила с угодливою лаской:

"Моей отлучке долгой ты, никак,
Дивишься? Я томилась без тебя.
Разъединенью, мнилось, нет конца.
Доселе я такой тоски любви
Не ведала, но больше никогда
Не повторится это не хочу
Себя отныне мукам подвергать,
Которых я, в неведение моем,
Сама искала мукам разлученья
С тобой. Но изумишься ты, узнав
Чудесную причину: почему
Так долго задержалась я. Ничуть
Не вредно Древо, ни его плоды,
Вкусенье коих якобы ведет
К таинственному злу, наоборот!
Они благим воздействием глаза
Нам отверзают, возводя в разряд
Богов. Сие испытано уже,
Запретом не стесненный, мудрый Змий
Иль преступив запрет, посмел вкусить
И все ж не умер, чем грозили нам,
Но разум и язык людской обрел,
Он так красноречиво рассуждал
И так умильно, что меня склонил.
И я равно вкусила, испытал
Влиянье равное. Мой темный взор

Яснее стал, возвышенной душа,
Обширней сердце. Я почти совсем
Обожествилась. Этой высоты,
Лишь памятуя о тебе, Адам,
Я домогалась, без тебя презреть
Ее готова. Для меня блаженство
В той мере подлинно, поскольку в нем
Ты соучаствуешь, иначе мне
Оно прискучит вскоре, а затем
И вовсе опротивеет. Вкуси!
Пускай один удел, одна любовь,
Одно блаженство нас объединят!
Вкуси, дабы не разлучило нас
Неравенство! Готова потерять
Я для тебя божественность, но поздно,
Судьба соизволения не даст!"

Так изложила Ева свой рассказ
С веселым оживленьем, но пылал
Болезненный румянец на щеках.
Адам, недвижный, бледный, услышав
О Евином проступке роковом,
Застыл в молчанье. Ужас ледяной
Сковал его суставы, раскатясь
По жилам, ослабевшая рука
Венок из роз, для Евы им сплетенный,
Бессильно уронила и цветы
Увявшие рассыпались в пыли.
Так цепенел он, слов не находя,
И напоследок молвил сам себе,
Душевную нарушив немоту:

"Прекраснейшее в мире существо,
Последнее создание Творца
И лучшее! В тебе воплощены
Вся красота, любовь и доброта,
Божественная святость, совершенство,
Пленяющие зрение и мысль!
Как ты погибла! Как погибла ты
Внезапно, исказилась и растлилась,
И смерти обреклась! Как ты запрет
Нарушила строжайший! Как могла
Священный, заповедный плод сорвать
Кощунственно? Тебя ввела в обман
Уловка вероломная Врага,
Которого не знала ты досель,
И я погиб с тобою заодно.
Да, я решил с тобою умереть!
Как без тебя мне жить? Как позабыть
Беседы наши нежные, любовь,
Что сладко так соединяла нас,
И в диких этих дебрях одному
Скитаться? Ежели Господь создаст
Вторую Еву и ребром вторым
Я поступлюсь, возлюбленной утрата
Неугасимо будет сердце жечь!
Нет, нет! Я чувствую, меня влекут
Природы узы, ты от плоти плоть,
От кости кость моя и наш удел
Нерасторжим в блаженстве и в беде!"

Так утвердившись и под стать тому,
Кто, ужас пережив, собой опять
Овладевает, после тяжких дум,

Необратимой доле покорясь,
Он Еве примирительно сказал:
"Бесстрашная! Решилась ты на шаг
Отважный и в опасности великой
Находишься, направив алчный взор
На плод святой, что Богом посвящен
Для воздержанья, более того,
Завет нарушив Божий, от плода,
Касаться коего запрещено,
Дерзнула ты вкусить! Но кто б возмог
Прошедшее вернуть и сделать вновь
Былое небылым? Ни сам Господь
Всемощный, ни судьба. Но может быть,
Ты не умрешь и не настолько худ
Поступок твой. Плод был уже почат,
Он Змием споначалу осквернен
И святости лишась, возможно, стал
Плодом обычным ранее, чем ты
Вкусила. Ведь не умер Змий, он жив
И жизни, по твоим словам, достиг
Высокой, с Человеком поравнясь,
Наглядный довод, что вкусив и мы
Достигнем соразмерной высоты,
Богами будем или перейдем
На степень Ангелов полубогов.
Не мыслю, что Господь, благой Творец,
Хоть Он грозил, решил бы истребить
Нас, лучших тварей, одаренных Им
Столь щедро и стоящих во главе
Созданий прочих, с нами заодно
Они, поскольку созданы для нас,
От нас во всем зависимы, должны
Неотвратимо пасть. Неужто Бог
Творенью разрушенье предпочтет
И будет снова пересоздавать,
Трудясь напрасно? Этого не мни
С понятием о Боге совместить.
Хоть созидать Он властен вновь и вновь,
Едва ее нас на гибель обречет,
Чтоб Враг возликовал: мол, непрочна
Любимцев Божьих участь, кто ж Ему
Надолго мил? Низверг меня сперва,
Потом людей извел. За кем черед?
Нет, пищи для злоречия не даст
Господь Врагу. Но все равно, скрепил
Я жребий мой с твоим и приговор
Тождественный постигнет нас двоих.
И если смерть меня с тобой сплотит,
Она мне жизнью будет, столь сильна
Природы власть, влекущая меня
К тебе, ведь ты мое же естество,
Вся из меня возникла, вся моя,
Мы нераздельны, мы одно, мы плоть
Единая и Еву потерять
Равно что самого себя утратить!"

Адаму Ева молвила в ответ:
"О, славный искус редкостной любви,
Блестящий довод, благостный пример!
Как следовать ему? Я не равна
Тебе по совершенству и горжусь
Рождением от твоего ребра
Бесценного. Мне радостно внимать
Словам твоим, когда ты говоришь

О нашей слитности: у нас двоих
И сердце и душа одни, теперь,
Воистину, ты это доказал,
Решив, что прежде, чем тебя со мной,
Столь тесно связанных любовью нежной,
Смерть либо нечто худшее навек
Разъединит, мою вину, мой грех,
Преступное деяние мое
И ты разделишь, ежели вкусить
Преступно от прекрасного плода,
Чьи качества (добро всегда к добру
Ведет прямым иль косвенным путем)
Любовь твою проверить помогли
Счастливым испытаньем, без него
Не проявилась бы она с такой
Возвышенностью. Если б я сочла,
Что смелый мой поступок повлечет
Угрозу смерти, казни бы сама
Подверглась. Одиноко я умру,
Но не решусь тебя склонять к делам,
Что твой покой способны погубить,
Тем более когда любовь ко мне,
Ее сердечность, верность, постоянство
Ты нынче беспримерно доказал.
Я чувствую совсем иной исход
Отнюдь не смерть: удвоенную жизнь,
Взор проясненный, множество надежд
И новых наслаждений, дивный вкус,
Столь тонкий, что приятное досель
Мне пресным представляется теперь
И грубым. По примеру моему
Вкуси, Адам, свободно и развей
На все четыре ветра смертный страх!"

Сказав, она супруга обняла,
От счастья нежно плача, в торжестве
Сознания любви, столь благородной,
Готовой для возлюбленной стерпеть
Господень гнев и смерть, она дает
Ему в награду, щедрою рукой
(Злосчастная угодливость вполне
Такой награды стоит) с ветви плод
Прелестный и заманчивый не вняв
Рассудку, не колеблясь, он вкусил.
Не будучи обманутым, он знал,
Что делает, но преступил запрет,
Очарованьем женским покорен.

Земные недра содрогнулись вновь
От муки и Природа издала
Вторичный стон. Гром глухо прогремел,
Затмилось небо, капли тяжких слез
Угрюмо уронило с вышины,
Оплакав первородный, смертный грех.
Но ничего Адам не замечал,
Вкушая жадно, Ева не страшась,
Провинность повторяла заодно,
Чтоб грех возможно больше усладить
Любовным соучастьем. Наконец,
Как одурманенные молодым
Вином, они безумно предались
Веселью, мнилось им, что обрели
Божественность, что, презирая Землю,
Вот-вот на мощных крыльях воспарят.

Но действие иное произвел
Обманный плод. Он плотские разжег
Желанья. Похотливо стал глядеть
Адам на Еву, алчно и она
Ответствовала. Сладострастный жар
Обоих обуял и начал так
Адам к восторгам Еву наклонять:

"Я вижу твой изящен, верен вкус,
Он мудрости немалое звено,
Ко всем сужденьям вкус мы придаем,
Язык считая правым судьей.
Ты нынче порадела хорошо,
Хвалю за это. Много мы услад
Утратили, к чудесному плоду
Не прикасаясь, истинную сласть
Не знали мы досель. Когда настолько
Запретное приятно, десяти
Дерев запретных, вместо одного,
Нам надо бы желать. Но поспешим!
Пристало нам, прекрасно подкрепясь,
Утехой завершить богатый пир.
С тех пор как в первый раз тебя узрел,
Исполненную всяких совершенств,
И в жены взял, ни разу красота
Твоя не распяляла так во мне
Желания тобою обладать
И насладиться. Краше, чем всегда,
Ты нынче это Древа дивный дар!"

Подобное твердя, не упустил
Он взглядов и намеков любострастных,
Понятных ей. Зажглись ее глаза
Ответным заразительным огнем.
Он, без отпора, за руку повел
Ее на затененный бугорок,
Под сень ветвей, под кров густой листвы.
Фиалки, незабудки, гиацинты
И асфоделии служили им
Цветочным ложем, мягкое как пух,
Прохладное земное лоно! Там
Они любви роскошно предались,
Всем наслажденьям плотским, увенчав
Провинность обоюдную, стремясь
Сознание греховности размыкать,
Затем, усталые от страстных ласк,
Заснули, усыпленные росой.
Но эта власть коварного плода,
Что с помощью дурманящих паров,
Веселием и лестью охмелив,
Их душами играла и ввела
Все чувства и способности в обман,
Иссякла, отлетел а тяжкий сон,
Угаром наведенный, полный грез
Мучительных. Супруги поднялись,
Как после хвори, глядя друг на друга,
Постигли, сколь прозрели их глаза
И омрачился дух. Невинность вмиг
Исчезла, что, подобно пелене,
Хранила их от пониманья зла,
Взаимное доверье, правда, честь
Врожденные покинули чету
Виновную, покрытую теперь
Стыдом, что облачением срамным

Преступников лишь больше оголял.
Как некогда на пагубном одре
Далилы-филистимлянки, Самсон,
Могучий муж из Данова колена,
Остриженный, очнулся, потеряв
Былую силу, так не говоря
Ни слова, обнаженные, они
Сидели, добродетелей навек
Лишась, ошеломленные стыдом,
С растерянными лицами. Но вот
Адам, хотя не менее жены
Смущенный, принужденно произнес:

"Вняла, о Ева, ты в недобрый час
Лукавцу гаду, кто б людскую речь
Подделывать его ни научил.
Он был правдив, о нашем возвестив
Паденье, но, суля величье, лгал.
Воистину глаза прозрели наши,
Добро и Зло познали мы, Добро
Утратили, а Зло приобрели.
Тлетворен плод познания, если суть
Познания в этом, мы обнажены,
Утратив честь, невинность, чистоту
И верность, все, что украшало нас,
А нынче мрачно и осквернено.
На лицах наших похоти печать,
Обильно зло рождающей и стыд,
Последнее из неисчетных зол.
Уверься в первом мы Добра лишились!
Как покажусь теперь очам Творца
И Ангелов, которых созерцал
С таким восторгом, с радостью такой?
Небесные их лики нашу плоть
Земную нестерпимым ослепят
Лучистым блеском. О, когда б я мог
Средь глухоты дикой, в дебрях жить,
В коричневой, как сумерки, тени
Непроницаемой лесных вершин
Заоблачных, куда ни звездный свет,
Ни солнечный проникнуть не дерзнут!
Вы, сосны, кедры, пологом ветвей
Неисчислимых спрячьте же от них
Меня, чтоб я не видел их вовек!
Однако способ вымыслить пора,
Как в доле этой жалкой заслонить
Нам друг от друга части наших тел,
Срамные, непристойные для глаз.
Большие листья мягкие дерев
Любых, краями сшитые, могли б
Нам чресла опоясать, скрыв места
Срединные, чтоб стыд, недавний гость,
Там не гнездился и не укорял
В нечистоте и блудодействе нас!"

Такой он дал совет, они пошли
В густую дебрь и выбрали вдвоем
Смоковницу не из породы, славной
Плодами, но иную, этот вид
Индийцам, населяющим Декан
И Малабар, известен в наши дни.
Во весь размах простершись от ствола,
Склонись, пускают ветви сеть корней,
И дочери древесные растут

Вкруг матери, тенистый лес колонн
Образовав, над ним высокий свод
И переходы гулкие внизу,
Где знойным днем индийцы-пастухи
В тени прохладу ищут и следят
Сквозь просеки, прорубленные в чаще,
За пастбищами, где бредут стада.
Сорвав большие листья, шириной
На Амазонок бранные щиты
Похожие, стачали, как могли,
Адам и Ева прочно, по краям,
И чресла опоясали. Увы!
Заслоном этим тщетным скрыть нельзя
Их преступленье и жестокий стыд.
Им далеко до славной наготы
Былой! Так, позже увидал Колумб
Нагих, лишь в опоясках перяных,
Американцев, дикие они
Бродили в зарослях, на островах,
Скитались по лесистым берегам.
Виновники сочли, что их позор
Частично скрыт листвою, но, в душе
Спокойствия ничуть не обретя,
Присели и заплакали. Ручьем
Не только слезы жгучие струились,
Но буря грозная у них в груди
Забушевала: ураган страстей,
Страх, недоверье, ненависть, раздор
И гнев смятеньем обуяли дух,
Еще недавно тишины приют
И мира, сотрясаемый теперь
Тревогой бурной. Волей перестал
Рассудок править и она ему
Не подчинялась. Грешную чету
Поработила похоть, несмотря
На низкую свою породу, власть
Над разумом верховным захватив.
На Еву устремив холодный взор,
В расстройстве, с непривычным отчуждением,
Адам продолжил прерванную речь:

"О, если б ты вняла моим словам,
Со мной осталась бы, как я просил,
Когда тебя, неведомо зачем,
Злосчастливым этим утром привлекло
Желанье безрассудное: бродить
Одной, мы были б счастливы и днесь,
Не лишены всех наших прежних благ,
Не жалки, наги, не посрамлены,
Как ныне. Пусть никто от сей поры
Предписанную долгом искушать
Свою не смеет верность. Кто спешит
Испытывать ее, считай, готов
Предательски поколебаться в ней!"

В обиде на упрек, вскричала Ева:
"Адам суровый! Как твои уста
Столь горькие слова произнесли?
Ты нашу обоюдную беду
Приписываешь слабости моей,
Желанью странному бродить одной.
Но эта же беда могла стрястись
В твоем присутствии, а может быть,
С тобой самим. У Древа или здесь

Ты, искушенный бы, не распознал
Коварства Змия, вняв его речам.
Не знаю: почему бы он вражду
К тебе и мне питал? А посему
Обмана я иль козней не ждала.
Ужели разлучаться никогда
Нельзя с тобою? Лучше бы ребром
Твоим безжизненным остаться мне!
Я такова. Зачем же, мой глава,
Ты мне решительно не воспретил
Спешить навстречу, по словам твоим,
Опасности великой? Твой отпор
Был слаб, ты был сговорчивым, ты сам
Приветствовал, позволил мне уйти,
Когда бы отказал ты наотрез,
Не согрешили бы ни я, ни ты!"

Гневясь впервые, возразил Адам:
"Любовь ли это? Это ли ответ,
Неблагодарная, моей любви,
Оставшейся приверженной тебе,
Уже погибшей, хоть еще меня
Вина не отягчала? Сохранить
Я мог бы жизнь, блаженствовать бессмертно"
Но умереть с тобою предпочел.
И ты меня решилась попрекнуть
Своим грехопаденьем, утверждать,
Что я виновник, мол, я не был строг
Довольно, чтоб тебя остановить!
Но что я сделать мог? Я упреждал,
Увещевал, предсказывал грозу,
Грядущую от скрытого Врага,
Подстерегающего каждый миг.
Прибегнуть ли к насилию? Но здесь
Невместно принужденье ущемлять
Свободу воли. Знай, ты чересчур
Самоуверенна! Ты поддалась
Надежде неразумной обойти
Опасность, или чаяла соблазн
Со славою отвергнуть. Может быть,
Я заблуждался, слишком высоко
Ценил все то, что я воображал
Твоими совершенствами, сочтя
Тебя неуязвимой против Зла.
Проклятию теперь я предаю
Ошибку эту, ставшую преступным
Грехом, в котором ты меня винишь!
Так будет с каждым, кто превыше меры,
Доверившись достоинствам жены,
Дает ей волю, уступает власть,
Тогда не знает удержу она,
Но, действуя сама и жертвой став
Последствий горьких, в поисках причин
Потворство мужа первая клянет."

В попреках обоюдных зря текли
Часы, никто себя не осуждал,
И тщетным спорам не было конца.